

Гуманитарные исследования. 2022. № 3 (83). С. 5–11.

Humanitarian Researches. 2022;3(83):5–11.

Научная статья

УДК 81

Сакрализация воды в различных лингвокультурах

Зухра Равильевна Аглеева

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия, z.agleeva@yandex.ru

Аннотация. Сакрализация воды и огня обусловлена их феерическими способностями, зафиксированными архаическим пластом этноязыкового сознания. Огонь и вода являются концептообразующими элементами, своеобразно преломляющимся во фраземике разноструктурных языков. В статье рассмотрены особенности объективации лингвокультуры «вода».

Ключевые слова: сакрализация, мифологема, компонент, концепт, лингвокультура

Для цитирования: Аглеева З. Р. Сакрализация воды в различных лингвокультурах // Гуманитарные исследования. 2022. № 3 (83). С. 5–11.

Original article

Sacralization of water in various linguocultures

Zukhra R. Agleeva

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, z.agleeva@yandex.ru

Abstract. The sacralization of water and fire is due to their enchanting abilities, fixed by the archaic layer of ethno-linguistic consciousness. Fire and water are concept-forming elements, which are peculiarly refracted in the phrasemics of languages with different structures. The article considers the features of the objectification of the linguocultureme "water".

Keywords: sacralization, mythologeme, component, concept, linguistic culture

For citation: Agleeva Z. R. Sacralization of water in various linguocultures. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;3(83):5–11. (In Russ.).

Язык как носитель коллективной памяти говорящих на нем содержит релевантную для понимания культуры этноса информацию, которая воплощается в том числе и в языковых знаках различных ярусов. Самая ценная для многих поколений информация сохраняется благодаря концептуализации, мифологизации, а часто и фразеологизации. Воспринимаемая как исходное начало и эквивалент первоначального хаоса, вода стала для некоторых этносов своего рода мифологемой. Сакрализация воды, наряду с огнём, обусловлена их феерическими способностями, зафиксированными архаическим пластом этноязыкового сознания. Огонь и вода являются концептообразующими элементами, своеобразно преломляющимся во фраземике разноструктурных языков.

Будучи одним из наиболее значимых в картине мира любого этноса символом, концепт «Вода» обладает особой социокультурной значимостью и глубинной архетипичностью. Вода выступает в качестве универсального символа во всех мировых лингвокультурах. Вода так же, как и огонь, персонифицирована. «Будучи используемой для омовения, она также наделяется способностью очищения души (например, после осквернения или совершения греха). Вода также может выступать и в разрушительной своей ипостаси (подводные землетрясения, наводнения, штормы). ...Вода выступает как амбивалентный образ: она воплощает

и начало, и конец мира (в форме мирового потопа); наряду с «огненными» космологиями существуют и «водные» [9, с. 46].

Сакрализация воды нашла отражение и в наличии концепта «Вода», специфичного в своём этнокультурном содержании, хотя и содержащего некоторые универсальные фасеты.

В романе «Волкодав», написанном в жанре фэнтези, М. Семёнова рассказывает о преклонении далёких предков-язычников стихиям: *«Каттай набрался решимости: – Не объяснит ли мой господин, почему Пламя Недр отмачивают в ручье? Ведь Пламя ... и вода ... На его родине огонь возле воды не только не разводили, но даже не упоминали, чтобы не оскорбить ни одну из стихий»*. «Четыре первоэлемента имеют своих представителей во всех сферах, вещах, науках, деятельности – ибо всё сложное составляется из них гармонически в некое целое и самостоятельно способное бытовать», – пишет Г. Гачев, имея в виду «древний натурфилософский язык четырёх стихий. «Земля», «вода», «воздух», «огонь», понимаемые расширительно и символически. ... Вода означает нечто текучее, мягкое, все-связующее, женское, милосердие, жалость, сентиментальный характер...» [5, с. 47]. Именно вода – священный символ женского начала. Ср.: *«Священным символом Богини была вода, удерживаемая и подносимая на ладонях милосердия и любви. Кто-то видел в ней слёзы, пролитые над несовершенством и жестокостью мира. Кто-то – священную росу для омоложения и очищения страдающей, заблудшей души. Кто-то – горсть воды, припасть жаждущими устами...»* (Семёнова. Волкодав). Как видим, единицы естественного языка приобретают дополнительную, этнокультурную семантику.

В языковом сознании славян слово *вода* является не только выразителем денотата 'жидкость, содержащаяся в атмосфере, земле, живых организмах и образующая реки, озёра, моря'. Это слово стало ещё и многозначным вербальным символом – имеется в виду магическое и предсказывающее начало воды, очищающая, исцеляющая мощь её. Вода – то животворящая сила, первооснова всего, то стихия, способная погубить всё живое. Могущество воды поистине невозможно переоценить. Соединение этих, казалось бы, несоединимых начал нашло отражение в фразеологических единицах. Приведём некоторые из них. *Живая и мёртвая вода* – первоначально библейское «И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью», отражающее естественное, природное состояние (денотат лексемы вода), а уже затем то, что столь известно каждому с детства из мудрых сказок, в которых непременно добро победит зло и любимый герой останется живым, несмотря ни на какие коварства врагов. «Благодаря своим природным свойствам (полноводности и нескончаемости течения) проточная, текущая вода осмысливается как символ движения (в противоположность воде стоячей), быстроты и успеха в разных делах. Спокойно текущая вода символизирует размеренно текущую жизнь (ср. *река жизни*). Вода в образе потока несёт в себе значение непреодолимой преграды, опасности; она связана с идеями судьбы, страха перед неведомым, с эмоциональными переживаниями утраты, разлуки, ожидания (ср. *житейское море*). В то же время текущая вода (река) осмысливается как дорога в иной мир, символизируя цикличное течение времени. Вечность и забвение» [Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий, с. 385]. *Выводить* (с морфологическим вариантом *вывести*) *на чистую воду* – 'уличать кого-либо в чём-либо, разоблачать кого-либо в обмане, дурном поступке, выявлять правду', так как вода воспринималась всегда как чистая стихия. Именно к воде и огню обращались, когда судили о невиновности или виновности человека, что отражено и в романе «Волкодав»: *«– Если бы речь шла об одном из нас, светлая госпожа, можно было бы подвести его к воплощению Прародителя и посмотреть, люб ли ему человек. Но Прародителю нет дела до чужаков. Можно связать колдунью и бросить её в воду, ибо мы веруем в справедливость воды. Если она поплывёт, значит, виновна; вода не станет отвергать доброго человека. Можно развести костёр и принудить колдунью идти по углям, ибо мы веруем в справедливость огня. Если огонь станет обжигать ей ноги, значит, незачем и выпускать её из костра»* (Семёнова. Волкодав).

Вода – средство очищения, ритуального омовения у многих народов (крещение у христиан, ежедневное пятикратное омовение у мусульман). «Водопоклонение сохранялось длительное время и после введения христианства. Народ долгое время избегал церковного венчания, заменяя его обрядом водоплескания. Потеряв свою религиозную силу, этот обряд сохранялся ещё длительное время в виде обычая обливать друг друга водой в весенние праздники» [8, с. 33]. Так, и герои М. Семёновой, вернувшись из дальних странствий,

обязательно должны совершить обряд священного омовения. В романе приводится сцена единения героев и водной стихии, когда мы становимся свидетелями того, насколько дорог воинам почти священный процесс: *«Там, где плещущие капли попадали предводителю на руки и грудь, белое тело сразу вспыхивало красными пятнами. Море целовало вождя. Винитар поднял ведёрко к лицу и то ли ответно поцеловал студёную воду родины, то ли отпил солёный глоток. И, занеся, опорожнил кожаный сосуд себе на голову, добротню облившись. Передал ведёрко Аптахару, сам же остался обсыхать на ветру, добротню облившись. Передал ведёрко Аптахару, сам же остался обсыхать на ветру, добротню облившись заново укрываться одеждой. Аптахар, ловко действуя единственной рукой, не дрогнув, повторил священнодействие и уступил место следующему воину».*

Вода, как известно, воспринималась как пограничная стихия, связывающая два мира, «своё» и «чужое». Об этом рассуждает и герой «Волкодава»: *«Что ж, в деревне, где жили венны из рода Пятнистых Оленей, кузница была поставлена честно... То есть, как от прадедов повелось, – почти в другом мире, ведь все знают, что реками изначально отделены друг от друга миры.*

Водные потоки действительно разделяют миры. Не всегда, конечно. За ручьём – курице перелететь – совсем не обязательно начинается иной мир. Но любой замечал, что на ТОЙ стороне и деревья лесные кажутся чуть-чуть не такими, чем ЗДЕСЬ. И птицы, и звери. Не говоря уж о людях, которые там живут. Не обязательно другой мир. Просто – чуть-чуть, а ДРУГОЕ...».

Роман позволяет сделать вывод о единстве традиций многих народов. Воде приносили жертвы славяне, обожествляя отдельные реки. Обычаи спартанцев и старого Китая встают перед нами, когда читаем о зловещем Поноре: *«Сородичи Людоеда испокон веку отправляли в Понор младенцев, родившихся уродливыми или, по общему мнению, нежизнеспособными. Молва также гласила, будто в голодные годы туда по собственной воле уходили ветхие старики, уставшие от прожитых дней и не желавшие более обременять собой свои семьи. Дело в том, что Понор не был обычным земным провалом. ... островные сегваны считали Понор прямым лазом на тот свет».* И в эти предания верят не дикие племена, а вполне образованные люди, среди которых Волкодав, который «начитался в крепости умных книг». Ветры и воды легли в основу этноспецифического явления китайской культуры (дословный перевод фэншуй – ветры и воды).

Разумеется, такие важные элементы жизни, культуры не могли не стать частью фразематики, которая отражает наиболее типичные явления, прецедентное в языке.

Седьмая вода на киселе, темна вода во облацех, водой не разольёшь, вместе с водой выплеснуть и ребёнка, воду возить, выйти сухим из воды, воду решето носить, как две капли воды, водой не разольёшь – лишь некоторые из фразем с компонентом вода, каких так много в любом языке. Интересно в этом отношении стихотворение В. Суслова «Как работает слово»: в нём представлено достаточно большое количество фразем с компонентом-символом вода: *Бывает частенько, что слово одно, Но очень по-разному служит оно. Примеры здесь можно найти без труда, Возьмём хоть короткое слово вода. Вот был я мальчишкой, да детство прошло, С тех пор уж немало воды утекло... О смелом мы вправе сказать наперёд: – Такой сквозь огонь и сквозь воду пройдёт. А гуси и утки сухие всегда; Заметили люди: как с гуся вода. Случалось с тобою – ты правил не знал, Молчал при опросе: воды в рот набрал? Лентяй отдыхает, а время идёт – Под камень лежащий вода не течёт. Сказать болтуну мы порою не прочь: – Довольно мол, воду-то в ступе толочь. Не прочь и другому сказать невзначай: «Довольно лить воду, ты дело давай! Работать впустую! Ты скажешь потом: Не дело мол, воду носить решето». Стихи я пишу, не жалея труда, Чтоб вы не сказали: «В стихах-то вода!».*

Фраземы с компонентом вода частотны в разноструктурных языках. Так, межъязыковыми фразеосемантическими соответствиями в паре русский-немецкий языки можно назвать следующие фраземы с компонентом Wasser: *Wasser treten* – ‘плавать стоя, перебирая ногами; перен. шутол. переминаться с ноги на ногу (в смущении, в нерешительности)’; *Wasser ziehen* – ‘давать течь’; *Wasser auf beiden Schultern tragen* – ‘двуручничать, угождать, служить и нашим и вашим’; *alle Wasser auf seine Mühle richten* – ‘стремиться только к собственной выгоде’; *mit allen Wasser gewaschen sein* – ‘пройти огонь и воду (и медные трубы)’; *stille Wasser sind tief* – ‘в тихом омуте черти водятся’ (букв. тихие воды глубоки); *zu Wasser werden* – ‘кончиться ничем, не выйти, не получить’; *das Wasser abgraben* – ‘сильно вредить кому-л.’; *рыть яму кому-л.’*; *sich kaum über Wasser halten* – ‘едва держаться на поверхности; еле сводить концы с концами’; *das Wasser hat keine Balken* – ‘в воде не за что ухватиться; не зная броду,

не суйся в воду'; *bis das Wasser in der Hose kocht* – 'пока с кого-л. семь потов не сойдёт'; *das Wasser trat ihm in die Augen* – 'на глаза у него навернулись слёзы'; *sie hat nah am Wasser gebaut* – 'у неё глаза на мокром месте, она слезлива'; *hier wird auch nur mit Wasser gekocht* – 'это делается везде одинаково'; *verwandte Seelen treffen sich zu Wasser und zu Lande* – 'везде можно найти родственную душу' (фраземы выбраны из словаря Биновича, с. 828–831). Объяснить многие ФЕ немецкого языка можно, зная особенности концептуализации в той или иной языковой картине мира. «Образование ФЗ, или вторичной номинации осуществляется по метафорической модели, которая опирается не только на семантику слов, обозначающих соответствующие категориальные признаки, но и использует человеческий опыт, особенности восприятия и воображения. Основой служит ассоциативно-образная связь свойств и признаков познаваемых предметов» [2, с. 51]. Так, сема 'большое её количество, целые моря или реки', присущая лексеме *вода*, обусловила появление немецкой фраземы *Wasser ins Meer tragen* (букв. *носить воду в море*) со значением 'везти (нести) что-л. туда, где его и без того достаточно' (аналог русской фраземы *ехать в Тулу со своим самоваром*, татарской *возить дрова в лес*).

Интересно наличие в современном немецком языке фразеологического оборота *Wasser in den Wein gießen* – (букв. добавить воды, лить воду в вино) в значении 'охладить чей-л. пыл, умерить чей-л. восторг'. Аналогичный фразеологизм функционировал раньше и в русском языке. В словаре М. Михельсона есть статья: «Воду влить в стакан вина – разбавить его; иносказ. – усмириться, успокоиться, одуматься» (Михельсон 2004). Вариант этой фраземы использует А. С. Пушкин в «Отрывках из путешествия Онегина»: «Смирись вы, моей весны Высокпарные мечтанья, И в поэтический бокал Воды я много подмешал». Вероятно, денотативная ситуация, лёгшая когда-то в основу данной ФЕ, сохранилась до сих пор в Германии, потому и жив там фразеологизм, устаревший в русском языке.

Мифологизация воды встречается и во фраземах и их вариантах, являющихся ядерными и периферийными средствами репрезентации различных концептов: *как водой взяло (смыло, умыло, унесло)*; *как в воду глядел, как будто холодной водой окатили, как ушат (холодной) воды вылили, как (словно, ровно, будто) водой облило, как в воду (в Лету) кануть, сколько воды утекло, как с гуся вода* и т.д. Суждения о денотативной основе фраземы *как в воду глядел* с лексическим вариантом *как в воду смотрел* ('о человеке, предвидевшем, точно предсказывавшем что-либо') находим в «Лингвокультурологическом словаре»: «Зеркало издревле наделялось некоей магической силой, волшебными свойствами, что связано с его способностью отражать предметы и, если брать более глубоко, с древнейшими представлениями о воде, которая, будучи способной отражать окружающее, как известно, широко использовалась в гаданиях и имела неоднозначную символику» [13, с. 21]. Во многих лингвокультурах народов прикаспийского ареала *вода* считалась проводником воли бога, посредником в общении с небом, глашатаем судьбы. В различных системах гадания прибегали к истолкованию образов, являющихся в воде, связывая воду с символикой судьбы. Провидец, глядя на воду, якобы мог видеть прошлое и будущее.

Мнение о возможности сплавлять болезнь по течению и передавать её неживому объекту воплотилось во фраземе *как водой сняло* с лексическими вариантами *как водой взяло (смыло, умыло, унесло)*, имеющей значение 'неожиданное утихание, исчезновение боли, усталости'. Л. Г. Золотых, рассуждая о значении магических действий в жизни предков, пишет: «Для современных людей магические обряды представляются не только странными, но просто абсурдными. Однако первобытное мышление видело их столь же оправданными и необходимыми для воздействия на действительность, как и реалистичные, логичные и разумные, с нашей точки зрения, действия. Согласно древнеиндийским воззрениям, культовые обряды считались столь же необходимыми, как и сам труд» [7]. Трудно представить себе первобытную жизнь вне мифов и связанных с ними магических заговоров, деяний. Они и стали в дальнейшем субстратами фразем, устойчивых фраз, паремий и т.п. «...мифологическое мышление моделировало мир по образу и подобию человека. Древний человек извлекал знания из самого себя, из своего подсознания, обобщая опыт своей телесной, душевной и духовной жизни. А поскольку все указанные сферы его жизнедеятельности являются изоморфными друг другу и поскольку человек ощущает это тем в большей степени, чем меньше его подсознание стеснено сознанием, постольку знания, полученные им в какой-либо одной сфере опыта, автоматически распространялись и на другие сферы» [11].

Примером распространения фраземы на другие сферы является расширение сферы употребления сравнительной ФЕ *как с гуся вода*. Нередко, обращаясь к этимологии данной

фраземы, соотносят её с народным заклинанием, знахарскими приговорами (М. И. Михельсон, А. Н. Афанасьев, Б. А. Ларин и др.): *Как с тебя вода долой, так и худоба долой. Как с гуся вода (следов не оставляет). Чужая слеза – как с гуся вода. Как с гуся вода, с тебя худоба!* (Сходит, не оставляя следа – на жиром пропитанных перьях). Важное место воды в лечебной магии, её способность излечить от болезней имелись в виду и при заговоре *как с гуся вода так с ... худоба*, давшем позднее эллиптированную форму *как с гуся вода* (Афанасьев т. 2, 1995): «Первоначально это сравнение употреблялось в заговорах, текстах, имеющих якобы целебную силу. По суеверным представлениям, слова «как с гуся вода, с меня сухота (печаль, болезнь)» могли вылечить человека, помочь ему справиться с тоской, с печалью». У В. И. Даля также встречаются поговорки, соотносимые с этим сравнением-символом (ср.: *С нас беда, как с гуся вода*). А. И. Фёдоров в монографии «Развитие русской фразеологии» приводит «вариантные сравнения *как с гуся вода – как с гоголя вода*, конкурировавшие ещё в XVIII веке: *Забыли то, как горевали, / Ни в чём как будто не бывали; / Прошло как с гоголя вода*. Учёный отмечает, как под влиянием экстралингвистических и внутрилингвистических причин произошло эллиптирование пословицы: «старорусская поговорка «как с гуся вода, небывалые слова» имела узкое применение, когда речь шла о лживой молве, клевете, навете. Её превращение во фразеологизм как с гуся вода в результате эллипсиса: случившееся легко, быстро забывается; все нипочём (как с гуся скатывается вода)» [14, с. 13]. Обычно отмечается два значения данной ФЕ: '1. кому. Нипочём, безразлично, не производит никакого впечатления; 2. с кого. Легко, быстро, бесследно исчезает, забывается и т.п. что-либо кем-либо'. Однако контексты могут предполагать и дополнительные, окказиональные смыслы. В частности, в «Господах Головлёвых» находим: «– Что я в ту пору трудов приняла, чтоб его на службу-то втереть! И всё как с гуся вода!» (М. Е. Салтыков-Щедрин). Налицо не отмеченное словарями значение – 'зря; напрасно (старалась)'.

Сопоставляя немецкий и русский частичные фразеологические эквиваленты, можно заметить, что изменение орнитонима (в немецкой фраземе вместо компонента *гусь* функционирует *die Ente – утка*) не повлияло на семантику сравнительной ФЕ ('ничто не волнует, не трогает, ничто не действует; хоть бы что'). В составе сравнительного оборота может употребляться далеко не всякий компонент-орнитоним: возможно введение номинации только водоплавающей птицы, так как именно их перья покрыты жиром, что и позволяет птицам оставаться сухими (ср. русск. *мокрая курица*, тат. *суга баткандай тавык кебек*). Введение лексемы-компонента *лебедь* невозможно по причине того, что к этой птице у людей многих национальностей сложилось особое отношение: красота и грация её способствовали созданию красивых легенд, фразем с мелиоративной коннотацией (*лебединая верность, лебединая шея, лебединая песня* и т.д.), казахи взяли в основу автоэтнонима словосочетание *птица белая (= лебедь)*. Трудно представить, чтобы всенародный любимец оказался носителем отрицательных черт и к нему сложилось неодобрительное отношение.

Знахарская практика запугивания болезней нашла отражение во фраземе *как будто холодной водой окатили*, используемой в значении 'неожиданное охлаждение чьего-либо энтузиазма, пыла, стремительного порыва; приведение кого-либо в замешательство'. Близки к ним варианты *как ушат (холодной) воды вылили, как (словно, ровно, будто) водой облило*. Характеризуя ФЕ *сколько воды утекло*, И. В. Захаренко пишет: «Фразеологизм восходит к древнейшим формам осознания мира, связан с противопоставлением «движение – статичность» (которое, в свою очередь, связывается с оппозицией «жизнь – смерть») и отображает древнейшие мифологические представления о воде как одной из первых стихий мироздания. Образ фразеологизма соотносится с природно-ландшафтным (через компонент вода) и временными кодами культуры, т.е. с совокупностью имён природных объектов и элементов ландшафта, которые являются ориентирами в членении времени, задают систему его измерения для человека, выступая в роли знаков «языка» культуры» [4, с. 385].

Параллель *вода / время / пространство* наблюдается и в конструкции *как в воду кануть – в Лету кануть* ('бесследно исчезнуть, скрыться из виду'). Интересна пара компаративных единиц (и в русском, и в немецком языках восходящая к придаточной части со сравнительной семантикой) *бояться как чёрт ладана* и *wie der Teufel das Weihwasser fürchten*. Совпадая полностью по семантике, сопоставляемые единицы расходятся по фразеологическим образам. Этноспецифичность в данном случае связана с профессиональными особенностями и проявляется во внутренней форме немецкой сравнительной ФЕ: *бояться как чёрт святой воды*. Абсолютно прозрачная внутренняя форма (окропление святой водой,

чтобы изгнать нечистую силу, оградить от её влияния), объясняемая спецификой религиозных обрядов.

Проведённый анализ фразем из разноструктурных языков позволяет констатировать, что концептуализируется и символизируется прежде всего то, что является важным в жизни того или иного этноса. Те стихии, от которых зависела судьба человека, а нередко и жизнь, не могли не стать субстратом для большого количества фразем в языках любой структуры. Номинации стихий стали компонентами ФЕ, релятивных вербализаторов национальных языковых картин мира.

Сопоставление мифологем, фразем не только даёт представление о разнообразии системно-структурных особенностей, способности различных языков на фразеологическом уровне дифференцированно отображать окружающую реальность, но и подтверждает мысль о кросскультурном выражении картины мира.

Список источников

1. Аверинцев С. С. Вода // Мифы народов мира. Москва, 1987. Т. 1. 240 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. Москва : Academia, 2002. 394 с.
3. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. Москва : Аквариум, 1995. 768 с.
4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. редактор В. Н. Телия. Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
5. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: курс лекций. Москва : Издательский центр «Академия», 1998. 432 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва : Диамант, 2002.
7. Золотых Л. Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики: монография. Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2007. 280 с.
8. Иванов В. А., Иванов В. В. Мифы языческой Руси. Словарь. Ярославль : Академия развития, 2001. 208 с.
9. Мокиенко В. М. Давайте говорить правильно! Трудности современной русской фразеологии: краткий словарь-справочник. Санкт-Петербург : Филологич. факультет СПбГУ. Москва : Академия, 2004. 288 с.
10. Немецко-русский фразеологический словарь / Сост. Л. Э. Бинович. Москва, 1956. 904 с.
11. Прохоров Ю. Е. Концепт, текст, дискурс в структуре и содержании коммуникации. URL: <https://perviydoc.ru/page=12>.
12. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / Под. ред. В. М. Мокиенко. Москва : Астрель : АСТ : Люкс, 2005. 926 с.
13. Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Москва : Гнозис, 2004. Выпуск 1.
14. Федоров А. И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX в. Новосибирск, 1983. 168 с.

References

1. Averincev S. S. Voda. Mify narodov mira. Moscow. 1987;(1):240.
2. Alefirenko N. F. Poeticheskaya energiya slova. Sinergetika yazyka, soznaniya i kul'tury. Moscow: Academia. 2002:394.
3. Binovich L. E. Nemecko-russkij frazeologicheskij slovar'. Moscow: Akvarium. 1995:768.
4. Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskij kommentarij. Ed. V. N. Teliya. Moscow: AST-PRESS KNIGA. 2006:784.
5. Gachev G.D. Nacional'nye obrazy mira: Kurs lekcij. Moscow: Izdatel'skij centr «Akademiya». 1998:432.
6. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: in 4 vol. Moscow: Diamant. 2002.
7. Zolotyh L. G. Kognitivno-diskursivnye osnovy frazeologicheskoy semantiki: monografiya. Astrakhan: Publ. House «Astrakhan University». 2007:280.
8. Ivanov V. A., Ivanov V. V. Mify yazycheskoy Rusi. Slovar'. Yaroslavl : Akademiya razvitiya, 2001:208.
9. Mokienco V. M. Davajte govorit' pravil'no! Trudnosti sovremennoj russkoj frazeologii: kratkij slovar'-spravochnik. Saint Petersburg: Filologich. fakul'tet SPbGU – Moscow: Akademiya. 2004:288.

10. Nemecko-russkij frazeologicheskij slovar'. Sost. L. E. Binovich. Moscow. 1956:904.
11. Prohorov Yu. E. Koncept, tekst, diskurs v strukture i sodержanii kommunikacii. URL: <https://perviydoc.ru/page=12>.
12. Biriĥ A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Russkaya frazeologiya: istoriko-etimologicheskij slovar'. Pod. red. V. M. Mokienko. Moscow: Astrel': AST: Lyuks. 2005:926.
13. Brileva I. S., Vol'skaya N. P., Gudkov D. B., Zaharenko I. V., Krasnyĥ V. V. Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskij slovar'. Moscow: Gnozis, 2004;(1).
14. Fedorov A. I. Razvitie russkoj frazeologii v konce XVIII – nachale XIX v. Novosibirsk, 1983:168.

Информация об авторе

З. Р. Аглеева – доктор филологических наук, доцент.

Information about the author

Z. R. Agleeva – Doctor of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 19.06.2022; одобрена после рецензирования 26.07.2022; принята к публикации 30.07.2022.

The article was submitted 19.06.2022; approved after reviewing 26.07.2022; accepted for publication 30.07.2022.